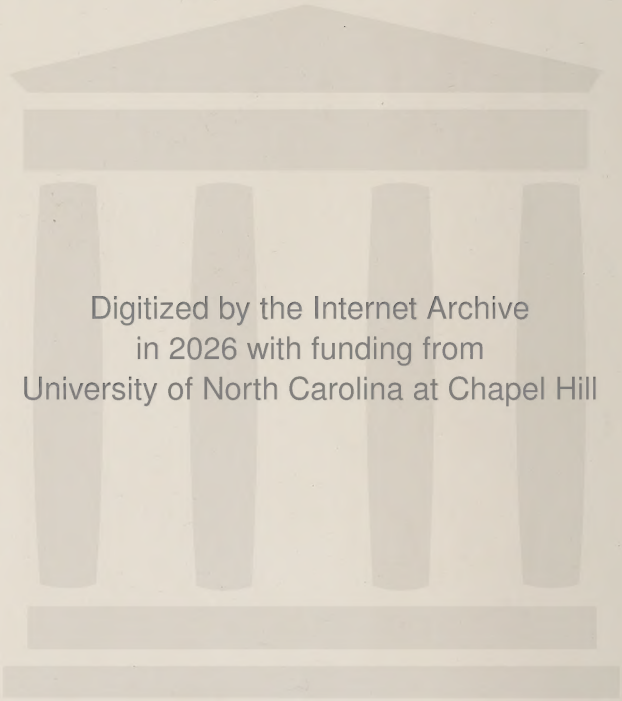
PG3337
.N4
Z697
1911

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.N4
Z697
1911

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752253



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nanekrasovzhizni00kurc

Обм. ф
207
4-48 Эк

БІОГРАФИЧЕСКАЯ № 11

Н. А. НЕКРАСОВЪ

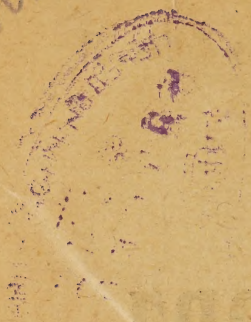
(біографическій очеркъ)

Екатерины Экъ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗВѢЗДА" Н. Н. ОРФЕНОВА
МОСКВА

2785



об. м. ф 207
N. A. Nekrasov

Н. А. НЕКРАСОВЪ

PG3337
.N4
Z697
1911

(ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Екатерины Экъ

Второе изданіе

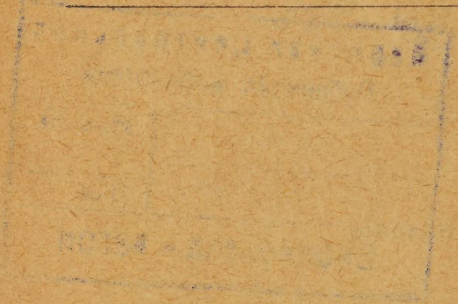
Пермская Центральная
Публичная Библиотека
Инв. №
Экз.
Библиотека - вагон

2785 обм. ф.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗВѢЗДА" Н. Н. ОРФЕНОВА
МОСКВА

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка воспрещается



Тип. „ПРОДПУТЬ“, Москва, Серебряническая наб., д. 23а.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

(1821 — 1877 г. г.)

„...Примиритесь же съ музой моей,
Я не знаю другого напѣва:
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей".

I

Некрасова называютъ—„поэтъ-гражданинъ", и самъ ъ подтверждаетъ этотъ взглядъ на себя, говоря:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.

Но Некрасовъ не только поэтъ-гражданинъ, и не олько неурядицы нашей русской жизни волнуютъ и воз-щаютъ его. Некрасовъ—поэтъ горя народнаго, силы ародной, задушенной жизнью, но пробивающейся на-жу. Некрасовъ вѣритъ въ русскій народъ и горячо юбитъ его.

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ—то и знай...

оритъ онъ въ извѣстномъ стихотвореніи „Школь-къ".

Вѣритъ Некрасовъ въ народъ и страстно мечтаетъ о мъ, чтобы „въ родномъ селеньи" не было слышно зву-въ „кипѣнья человѣческой крови и слезъ".

9238 46

Онъ знаетъ, что въ настоящее время (то-есть, въ то
когда онъ жилъ) русскій народъ стонетъ „по полямъ, п
дорогамъ... на печи, подъ стогомъ“... всюду стонетъ
стонетъ, но нельзя было не стонать, когда такъ „трудн
свой хлѣбъ добывалъ человѣкъ“ („Желѣзная дорога“)
до сихъ поръ еще „не разогнулъ свою спину горбатую“.
Но Некрасовъ вѣритъ, что русскій народъ все вынесетъ-

Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью проложитъ дорогу себѣ.
(„Желѣзная дорога“).

Но желалъ бы я знать, умирая, что стоишь ты на вѣ
номъ пути.
Что твой пахарь, поля засѣвая, видитъ ведренный дн
впереди...

мечтаетъ онъ.

Некрасовъ сознаетъ „грѣхи“ и слабости своего на
рода, но эти слабости не вызываютъ въ немъ презрѣні
какъ утверждали нѣкоторые критики. Нѣтъ, муза „мест
и печали“, какъ называетъ самъ Некрасовъ свою муз
вся проникнута ласковой печалью о судьбѣ народа,
„месть“ относится къ „слѣпой судьбѣ“ и къ тѣмъ, к
служитъ орудіемъ этой судьбы, не дающей передыш
въ страданіяхъ, мѣшающей выпрямиться во весь гиган
скій, могучій ростъ.

Печалится Некрасовъ о „долюшкѣ женской“, которо
„врядъ ли труднѣе сыскать“, и образы его крестьянк
навсегда останутся въ памяти читателя.

Красоту поэмы „Морозъ красный носъ“ оцѣнили фра
цузы. Въ извѣстной статьѣ Гальперина-Каменскаго, п

еведшаго на французскій языкъ многія произведенія Некрасова, говорится объ этой поэмѣ, какъ о величайшемъ эпическомъ произведеніи и удивительномъ выраженіи страданія русскаго крестьянства. Отношеніе Гальперина-Каменскаго къ Некрасову далеко не дружелюбное, онъ ставитъ его на второстепенный планъ среди русскихъ поэтовъ, но тѣмъ не менѣе не можетъ не отдать Некрасову справедливости и признаетъ его удивительную оригинальность и самобытность. Некрасовъ никому не подражалъ. „Некрасовъ отражалъ жизнь въ глубинахъ своей души, отражалъ, не измѣняя ея ни въ одной чертѣ и не мѣняясь самъ изъ-за нея“, говоритъ Гальперинъ-Каменскій.

Преклоненіе передъ женской душой Некрасовъ особенно ярко выражаетъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ „матери“. Всѣ они дышатъ горячимъ чувствомъ. У Некрасова положительно—культъ матери. Его личная любовь къ матери, ея несчастная доля на всю жизнь вложили ему въ душу то чувство къ матери вообще, которое высоко поднимало его и выливалось въ незабываемые образы.

...Великое чувство!.. Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ.
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ...

Понятно становится это частое обращеніе мысли Некрасова къ матери... „мукъ“ ему приходилось переживать не мало, какъ душевныхъ, такъ и физическихъ. И тутъ-то память о матери являлась ему поддержкой.

...Сколько разъ я надъ бездной стоялъ.
Поднимался твоею молитвою.
Снова падалъ... и вовсе упалъ.
Выводи на дорогу тернистую,
Разучился ходить я по ней...

. . . . . .

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

(„Рыцарь на часъ“).

Такъ молитъ Некрасовъ свою мать (вѣрнѣе—мысль матери) помочь ему въ тяжелую, смертельно тяжелую минуту жизни.

...Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ..

молитъ онъ и вспоминаетъ:

Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ...

Умоляя мать появиться хоть на мигъ, „легкой тѣнью“ Некрасовъ не обѣщаетъ ей „радость свиданія съ погибающимъ сыномъ“, онъ проситъ отъ нея жертвы, онъ знаетъ, что заставитъ мать „страдать вновь“, но... „Но я гибну и, ради спасенія, я твою призываю любовь“...

Кто можетъ упрекнуть Некрасова въ черствости, въ расчетѣ, въ эгоизмѣ, вникнувъ въ эти строки, которыя написаны поистинѣ кровью сердца!

Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои,
Смыли жаркой слезой состраданія
Всѣ позорныя пятна мои...

(„Рыцарь на часъ“).

Человѣкъ, который можетъ такъ каяться, такъ любить и страдать, не можетъ быть черствымъ эгоистомъ.

Любовное отношеніе къ „матери“ особенно сказывается въ стихотвореніи—„Внимая ужасамъ войны“, въ которомъ Некрасовъ, выражая сожалѣніе о погибшихъ на войнѣ и объ оставшихся сиротахъ и женахъ, особое вниманіе оказываетъ слезамъ „бѣдныхъ матерей“... „Имъ не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ, какъ не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей“.

С. А. Венгеровъ говоритъ о Некрасовѣ: „Никто изъ русскихъ поэтовъ не сдѣлалъ столько для апофеоза женъ и матерей, какъ Некрасовъ“.

И это правда. Вспомнимъ его „Русскихъ женщинъ“—Трубецкую и Волконскую, оставившихъ высшій свѣтъ и раздѣлившихъ съ мужьями-декабристами сибирскую каторгу.

Княгиня Трубецкая, прощаясь съ любимымъ отцомъ, говоритъ: „Не плачу я, но не легко разстаться мнѣ съ тобой.. О, видитъ Богъ... Но Долгъ другой—и выше и труднѣй меня зоветъ“... Долгъ—не оставлять мужа въ его безотрадномъ положеніи.

И все описаніе путешествія Трубецкой доказываетъ, какъ трудно ей было выполнить этотъ святой долгъ жены.

Княгиня Волконская („Бабушкины записки“) такъ описываетъ свое замужество: „Не много я знала его женихомъ, не много и мужемъ узнала“... Волконскій былъ уже генераломъ, когда женился, и невѣста видѣла его разъ на царскомъ смотру и въ домѣ своего отца, который и рѣшилъ, что это подходящая для дочери партія.

„Ты будешь съ нимъ счастлива“, круто рѣшилъ старикъ—„возражать я не смѣла“.

И за этимъ старымъ въ сравненіи съ нею мужемъ, котораго она едва знала, Волконская поѣхала въ далекую, суровую Сибирь, мечтая лишь о томъ, какъ будетъ она тамъ „лелеять Сергѣя“. Рѣшаясь оставить семью, Волконская думала: „Пусть бѣда велика, не все потеряла я въ мірѣ“. „Сибирь такъ ужасна, Сибирь далека, но люди живутъ и въ Сибири“...

И эта увѣренность въ томъ, что жертва ея не напрасна, дала Волконской силу перенести тяжелый путь и не менѣе тяжелую жизнь на каторгѣ. Отецъ проклиналъ ее, грозилъ, требовалъ, чтобы она подумала... И молодая женщина думала мучительно, молилась и плакала. Она сознавалась самой себѣ, что умѣла многое, знала языки, музыку, блистала въ обществѣ, но... „но думать совсѣмъ не умѣла“... И все-таки думы привели ее къ одному, что долгъ ея—быть около мужа и облегчать ему тяжелую каторгу.

А вотъ другая „жена“—Дарья изъ поэмы „Морозъ красный носъ“.

Описывая смерть Прокла, а потомъ и замерзшей жены его Дарьи, Некрасовъ дѣлаетъ отступленіе и говоритъ о долѣ русской крестьянки:

Пермская Центральная
Публичная Библиотека

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться.

Библиотека

И несмотря на эти тяжелыя доли, жена рыдаетъ ...шивая саванъ умершему мужу, и сравниваетъ себя съ ...березкой безъ вершины:

Береза въ лѣсу безъ вершины—
Хозяйка безъ мужа въ дому.

Дарья вспоминаетъ, какъ во время болѣзни Прокла ходила она въ монастырь за чудотворной иконой...

Я-ль не молила Царицу Небесную?
Я ли лѣнива была...
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробѣла—пошла...

Но и икона не помогла, поилецъ и кормилецъ семьи умеръ, а вслѣдъ за нимъ судьба послала смерть и женѣ, которая поѣхала нарубить дровъ и замерзла, остановившись отдохнуть подъ деревомъ...

А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

Женщина должна особенно цѣнить поэзію Некрасова, чувствуя его безконечно мягкое, полное любви и всепрощенія отношеніе къ ней.

Плача надъ долею женскою, которой „врядъ ли труднѣе сыскать“, Некрасовъ умѣетъ описать эту женщину не только въ ея тяжелыя минуты.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь...
. . . . . .
...Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь...

(„Тройка“)

Или въ поэмѣ „Морозъ красный носъ“:

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей...

Въ „Дешевой покупкѣ“ Некрасовъ выводитъ молодую женщину, мужъ которой промоталъ все, что было куплено съ любовью и съ мечтой свить свое гнѣздышко.

...Все въ ней плѣнительно:
Тянутъ назадъ ея голову милую
Черные волосы, сѣткою сжатые,
Дышутъ какою-то сдержанной силою
Ноздри красивыя, вверхъ приподнятыя.
Видно, что жгучая мысль безпокойная
Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
Мнѣ эта женщина часто мечтается...

А сколько мягкости и всепрощенія въ душѣ поэта къ такъ называемой „падшей женщинѣ“... („Убогая и нарядная“).

...Но не лучше ли, прежде чѣмъ бросимъ
Мы въ нее приговоръ роковой,
Подзовемъ-ка ее, да разспросимъ—
„Какъ дошла ты до жизни такой"?..

И въ стихотвореніи „Когда изъ мрака заблужденья":

...Мнѣ лучъ божественный участья
Весь темный путь твой освѣтилъ:
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и все забылъ...

Да, русская женщина никогда не упрекнетъ Некрасова въ черствости и эгоизмѣ и никогда не забудетъ тѣхъ женскихъ типовъ, которые обезсмертилъ поэтъ въ своихъ произведеніяхъ.

Нельзя не замѣтить еще слѣдующаго: черствый эгоистъ никогда не смогъ бы такъ сердечно и внимательно, такъ любовно относиться къ дѣтямъ, какъ относился Некрасовъ. Можетъ быть, воспоминанія объ его собственномъ тяжеломъ дѣтствѣ дѣлали его особенно чуткимъ къ дѣтямъ.

Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда...

(„Крестьянскія дѣти").

Всегда узнаетъ онъ дѣтскій глазокъ, даже, когда тотъ глядитъ въ щелку сарая, гдѣ прилегъ отдохнуть послѣ охоты поэтъ; это значитъ: много наблюдалъ дѣтскихъ глазокъ и любилъ ихъ такъ же, какъ и чистую дѣтскую душу.

О, милые плуты! кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей...

(Тамъ же).

Съ какой безконечной любовью описываетъ Некрасовъ, какъ „однажды въ студеную зимнюю пору“... онъ, выходя изъ лѣса, встрѣтилъ мальчугана, ведшаго подъ уздцы лошадь съ возомъ дровъ. Сколько поэзіи въ описаніи этого „хозяина“, его не по-дѣтски серьезнаго разговора, всей природы, на фонѣ которой рисовался этотъ мужичокъ съ ноготокъ.

...Все, все настоящее русское было...
Что русской душѣ такъ мучительно мило,
Что русскія мысли вселяетъ въ умы.

И обращеніе къ дѣтямъ:

...Играйте же, дѣти, растите на волѣ,
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.

Въ стихотвореніи „Плачъ дѣтей“ Некрасовъ говоритъ о дѣтяхъ, не имѣющихъ дѣтства, о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ.

...Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертимъ, вертимъ, вертимъ!—

Колесо чугунное вертится
И гудитъ, и вѣтромъ обдаетъ,

Голова пылаетъ и кружится
Сердце бьется, все кругомъ идетъ...

Погоди, ужасное круженье,
Дай намъ память слабую собрать...

И эти измученныя дѣти, вернувшись домой, не находятъ отдыха, тамъ ихъ встрѣчаетъ тоже только забота и нужда.

Тамъ, припавъ усталой головою
Къ груди бѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей...

Тонко подмѣчена способность дѣтей отдаваться впечатлѣнію и забывать горе въ стихотвореніи „Кумушки". Похоронивъ мать, дѣти забылись, утѣшились игрою. На бѣду подошли сочувствующія „кумушки" и своими соболѣзнованіями напомнили дѣтишкамъ о томъ, что нѣтъ у нихъ матушки...

Кто-то васъ будетъ ласкать-миловать?
Навзрыдъ заплакали дѣти опять...

А съ какой любовью, двумя-тремя штрихами описанъ въ поэмѣ „Морозъ красный носъ" сынишка Прокла...

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ...

. . . . . .

Гришуха, черенъ какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчивалъ баушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ!..

Какъ живой встаетъ въ воображеніи этотъ крестьянскій мальчикъ, равно какъ и его сестренка, свалившаяся съ мѣшка, на которомъ сидѣла.

II

Родился Николай Алексѣевичъ Некрасовъ 22-го ноября, 1821 года, въ Винницкомъ уѣздѣ, въ Подольской губерніи, въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ расквартированъ полкъ его отца, но воспоминаній отъ этихъ мѣстъ у Некрасова не сохранилось.

Все дѣтство его прошло въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, гдѣ поселилась семья его родителей по выходѣ отца его въ отставку.

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей,—

говоритъ о себѣ Некрасовъ.

Семья у Алексѣя Сергѣевича Некрасова была велика — всѣхъ дѣтей съ Николаемъ Алексѣевичемъ было четырнадцать.

Мать Некрасова, полька по рожденію, Елена Андреевна Закревская, была дочерью богатаго польскаго арендатора.

Жизнь ея съ картежникомъ мужемъ была тяжелая. Страсть къ картамъ, какъ извѣстно, была въ роду Некрасовыхъ. Дѣдъ Николая Алексѣевича проигралъ въ карты почти все свое состояніе. Отецъ его былъ тоже картежникъ, при этомъ человѣкъ увлекающійся, страстный и нерасчетливый. Онъ пользовался большимъ

успѣхомъ у женщинъ, хотя былъ мало образованъ и грубъ. Служилъ онъ въ армейскомъ полку. Родители Елены Андреевны не желали брака съ нимъ ихъ дочери, но молодая дѣвушка влюбилась въ Некрасова и вышла за него противъ воли родителей. Бракъ ея былъ очень несчастливъ.

Въ стихотвореніи „Родина“ Некрасовъ такъ говоритъ о своей матери:

...Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о, знаю, знаю, я!..
На вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шепотъ твой губителю простилъ!..

Изъ поэмы „Мать“, мы узнаемъ, что мать Некрасова была женщина образованная, старавшаяся по мѣрѣ силъ дать образованіе своимъ дѣтямъ и охранить ихъ отъ вліянія той грубой среды, въ которой проходила ихъ жизнь.

Вспоминая, какъ мать ласкала его, какъ сказывала сказки и учила, Некрасовъ говоритъ:

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.

И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела.

„Обаяніе воспоминаній о матери сказалось на твор
чествѣ Некрасова необыкновеннымъ участіемъ къ жен
ской долѣ“,—говоритъ С. А. Венгеровъ *).

Дѣлаю небольшое отступленіе для выясненія недора
зумѣнія относительно имени матери Некрасова. Въ нѣ
которыхъ біографіяхъ поэта ее называютъ Александро
Андреевной, тогда какъ по свидѣтельству Ф. Смирно
ва („Въ Некрасовщинѣ“, передъ Некрасовскими днями
1902 г.) видно, что на могильной плитѣ выгравирован
елѣдующая надпись: „Елена Андреевна Некрасова. Скон
чалась 29-го іюля 1841 г.“ Неизвѣстно, кто поставил
памятникъ на могилѣ—мужъ ли, или сынъ, но извѣст
но, что погребена она была не въ семейномъ склепѣ Не
красовыхъ въ селѣ Абакумцевѣ, а за оградой церкв
„Петра и Павла“, позади алтаря. Можно думать, что эт
было желаніе сына, хотя послѣ смерти отдѣлить прах
любимой матери отъ праха людей, которые испортили е
земное существованіе.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ... И жизни трудовой

*) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона.

Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлестнутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ.

Въ тяжелыя минуты жизни Некрасовъ вспоминалъ
у могилу, на которой „хотѣлъ бы рыдать“...

Некрасову было двадцать лѣтъ, когда умерла его
ть. Онъ уже пять лѣтъ жилъ самостоятельно въ Пе-
рбургѣ и въ это время еще очень бѣдствовалъ.

Проживъ до десяти лѣтъ въ родовомъ имѣніи Некра-
выхъ, въ 1832 году Николай Алексѣевичъ былъ от-
нъ въ Ярославскую гимназію, гдѣ дошелъ только до
таго класса. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ пріѣ-
жалъ домой. Отецъ его въ это время былъ исправни-
мъ, часто дѣлалъ служебныя поѣздки и бралъ съ со-
ю сына. Мальчику 12—13 лѣтъ приходилось близко
дѣть жизнь народа и присутствовать при тяжелыхъ
енахъ и расправахъ. Наблюдательность развивалась
новременно съ страстной жалостью къ угнетенному на-
ду и съ желаніемъ помочь ему выйти изъ невыноси-
го положенія. Если крѣпостные нравы, царившіе въ
ѣніи Некрасова-отца и не отличались какою-либо осо-
нною жестокостью, то во всякомъ случаѣ были таковы,
о оставили въ душѣ Некрасова-ребенка тяжелый оса-
къ на всю жизнь, и онъ возненавидѣлъ это крѣпост-
ческое барство, возненавидѣлъ и за мать, страдалицу,
за себя, и своихъ братьевъ, и сестеръ. Онъ говоритъ
о себя, что на родинѣ научился онъ „терпѣть и нена-
дѣть“, и родина его—это край, „гдѣ отъ души моей

довременно растлѣнной, такъ рано отлетѣлъ покой бла
гословенный".

Борьба противъ крѣпостничества впослѣдствіи выра
зилась, какъ извѣстно, въ огромномъ количествѣ его сти
хотвореній.

Въ 1838 году отецъ Некрасова отправилъ его въ Пе
тербургъ, желая, чтобы сынъ такъ же, какъ онъ самъ
служилъ на военной службѣ. Мать же хотѣла, чтоб
онъ поступилъ въ университетъ. Съ наклонностями сы
на отецъ не находилъ нужнымъ считаться и отправил
его въ дворянскій полкъ (впослѣдствіи Константинов
ское военное училище). Съ небольшимъ количеством
денегъ и съ письмомъ пріятеля отца, прокурора Полозо
ва, къ его брату начальнику III-го округа корпуса жан
дармовъ, генералу Полозову, шестнадцатилѣтній Некра
совъ очутился въ Петербургѣ.

Генералъ Полозовъ принялъ молодого человѣка лю
безно, далъ письмо къ Ростовцеву, и вопросъ о посту
пленіи въ дворянскій полкъ былъ почти рѣшенъ, когда
судьба столкнула Николая Алексѣевича съ товарищем
по Ярославлю—уже студентомъ—Глушицкимъ. Кромѣ то
го, тоже совершенно случайно, познакомился Некрасов
съ профессоромъ духовной академіи Дм. Ив. Успенскимъ
Эти лица повліяли на Некрасова въ томъ духѣ, как
желала его мать и онъ самъ, то-есть, чтобы онъ про
должалъ ученіе, подготовился и поступилъ въ универси
тетъ.

Некрасовъ, не колеблясь ни минуты, пошелъ къ По
лозову и сообщилъ ему свое рѣшеніе, прося на него н
претендовать и предоставить его самому себѣ. Полозов

ѣшеніе его одобрилъ и написалъ объ этомъ въ Яро-
лавль. Отецъ Некрасова вспылилъ, чуть не проклялъ
на и объявилъ, что не будетъ, въ такомъ случаѣ, вы-
лать ему ни копейки. Николай Алексѣевичъ не испу-
ался этого. У него еще было въ карманѣ 150 рублей
ассигнаціями и прежде всего онъ записался въ библіо-
теку и рьяно принялся за чтеніе. Велико было желаніе
писать у молодого Некрасова. Читая „Современникъ“,
онъ писалъ подражанія всему, что нравилось ему въ
томъ журналѣ.

Квартиру Некрасовъ взялъ на Разъѣзжей улицѣ у
одного солдата. Онъ завелъ кое-какія знакомства и ча-
ще всего видѣлся съ однимъ студентомъ медико-хирурги-
ческой академіи, который былъ до такой степени бѣденъ,
что прибѣгалъ къ Некрасову, чтобы „затянуться“ папи-
росой.

Денегъ, конечно, Некрасову хватило очень не на
долго и настали для него невѣроятно трудные дни хо-
лода, голода, и всяческихъ лишеній. Есть всѣ основа-
нія предполагать, что начало его неизлѣчимой болѣзни,
свела рано сведшей его въ могилу, и было положено
имъ долгимъ, тяжелымъ временемъ.

Некрасовъ заболѣлъ горячкой и сильно задолжалъ
своему хозяину. Чуть немного онъ поправился и началъ
выходить, какъ хозяинъ выгналъ его съ квартиры, не
говоря дурного слова, просто въ его отсутствіе сдавъ
другимъ.

Дѣло было осенью. Извѣстно, какіе вѣтры бываютъ
осенью въ Петербургѣ. Некрасовъ бродилъ по городу, не
зная, что предпринять, наконецъ, присѣлъ на лѣстницѣ

какого-то магазина. Мысль отказывалась работать, лег
кая шинель не защищала отъ холода, и Некрасовъ, за
крывъ лицо руками, безнадежно плакалъ. Кто-то оста
новился около него. Это были нищіе, въ первую минут
обратившіеся къ нему за подаяніемъ. Но, разсмотрѣвъ
его, старикъ нищій понялъ, что предъ нимъ человѣкъ
еще въ худшемъ положеніи. Онъ позвалъ Некрасова с
собою, тотъ отказался. Тогда нищій возмутился его гор
достью и настоялъ на своемъ.

Пришли въ 17-ю линію Васильевскаго острова, гд
въ то время стоялъ всего на всего одинъ деревянны
домишка. Большая грязная комната была полна ни
щихъ—ребятъ, женщинъ и мужчинъ. Старикъ попросил
компанію, игравшую въ три листа, дать пришедшем
водки, чтобы онъ могъ хоть немного отогрѣться. Въ бла
годарность за пріютъ и водку, Некрасовъ написал
тутъ же кому-то прошеніе, за что получилъ пятнадцат
копѣекъ, и съ этими деньгами вышелъ на утро снова н
улицу.

При такихъ условіяхъ учиться было трудно и
хотя друзья Некрасова, Успенскій и Глушицкій, взялис
подготовить его къ вступительному экзамену въ универси
тетъ, но всѣхъ экзаменовъ Некрасовъ не выдержалъ—
получилъ единицу по географіи и чувствовалъ, что п
естественной исторіи не получитъ больше.

Пришлось поступить вольнослушателемъ и въ 1839—
1841 годахъ Некрасовъ слушалъ лекціи, одновременн
занимаясь литературнымъ трудомъ.

Жилъ онъ въ это время на Охтѣ. Зарабатывалъ
чѣмъ могъ: бралъ корректуру, писалъ стихи, которы

впрочемъ, писалъ еще и до поступленія въ университетъ. Въ 1838 году онъ помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ стихотвореніе „Мысль“ (не вошедшее въ полное собраніе его сочиненій).

Существовать на такіе случайные заработки было очень трудно и Некрасовъ продолжалъ голодать (иногда на цѣлый день у него, слуги и товарища Глушицкаго бывало всего пятнадцать копѣекъ). Мечтать объ окончаніи курса въ университетѣ при такихъ условіяхъ, конечно, было нельзя.

Некрасовъ пересталъ посѣщать лекціи и отдался исключительно литературному труду. Разбирать, что писать, не приходилось, надо было писать все, что печаталось и оплачивалось. И Некрасовъ писалъ рецензіи подъ часъ такихъ сочиненій, для сужденія о которыхъ приходилось рыться въ Публичной библіотекѣ и „вычитывать“ чужія мысли, компилируя ихъ и дѣлая выводы. Писалъ фельетоны, водевили съ собственными куплетами, при этомъ знанія французскаго языка были такъ скудны, что трудно было справляться съ переводами (сюжеты часто были заимствованы). Изъ оригинальныхъ водевилей Некрасова извѣстны: „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, „Ф. А. Бобъ“, „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“ и др. Подписаны эти водевили псевдонимомъ—Перепельскій.

Въ 1840 году въ журналѣ, издававшемся Ф. Кони, „Пантеонъ“ былъ напечатанъ первый разсказъ Некрасова—„Макаръ Осиповичъ Случайный“, а въ 1842 году была переведена съ французскаго и поставлена на сценѣ мелодрама—„Материнское благословеніе“, или „Бѣд-

ность и честь", долго не сходившая съ репертуара. П
заказу издателя Полевого, Некрасовъ написалъ сказ
„Баба-Яга", стихи въ которой были ниже всякой кр
тики.

Всѣ эти пьесы, водевили и статьи по заказу пис
лись Некрасовымъ ради заработка, но это было не т
къ чему влекло его. Онъ пытался въ свободныя минут
писать стихи и даже издалъ въ 1840 году первый сбо
никъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ—„Мечты
звуки". По совѣту Жуковскаго Некрасовъ не поставил
подъ нимъ своего имени, а только инициалы—Н. Н. Н
желая обезкураживать молодого поэта Жуковскій и По
левой поддержали его, Бѣлинскій же очень строго от
звался о сборникѣ, и самъ Некрасовъ впослѣдствіи, счи
тая эти свои произведенія неудачными, скупалъ оста
шіеся экземпляры у букинистовъ и уничтожалъ ихъ.

Въ 1843 году Некрасовъ издалъ сборникъ—„Статей
ки въ стихахъ безъ картинокъ" („Говорунъ").

Къ этому же 1843 году относится знакомство Некра
сова съ Бѣлинскимъ, знакомство, перешедшее вскорѣ в
дружбу, которая оставалась неизмѣнной до самой смерт
Бѣлинскаго (въ 1848 году, 26-го мая).

Прекративъ посѣщеніе лекцій въ университетѣ, Не
красовъ не прекратилъ знакомства съ товарищами, меж
ду которыми были люди, принадлежавшіе къ такъ назы
ваемому высшему обществу. Не подходя къ нимъ совер
шенно по своему матеріальному положенію, Некрасовъ
однако, игралъ среди нихъ первенствующую роль.

Какъ человѣкъ умный отъ природы и чрезвычайно
наблюдательный, Некрасовъ многое внѣшнее перенялъ

въ этомъ кругу и, можетъ быть, его изысканныя манеры, такъ и умѣніе обходиться съ каждымъ образовались подъ вліяніемъ извѣстной среды. Съ другой стороны праздная, богатая и распущенная жизнь этого круга имѣла много и плохого вліянія на Некрасова. Невольное чувство зависти къ этимъ баловнямъ судьбы не могло не являться въ его душѣ, и мечта добиться самому богатства зародилась, несомнѣнно, въ это время. Не прерывая сношеній съ людьми, образъ жизни которыхъ Некрасовъ не могъ не осуждать, стремясь самъ къ богатству и возможности такъ же внѣшне нарядно и красиво обставить личную жизнь, Некрасовъ не могъ не терзаться и не мучиться этой двойственностью, и это было однимъ изъ тѣхъ его „грѣховъ“, отъ которыхъ искалъ онъ прощенія и очищенія въ мечтахъ о матери.

Эти и другіе богатые люди были карточными партнерами Некрасова и впослѣдствіи, когда матеріальное его положеніе было ужъ совсѣмъ блестящее. И эта страсть — семейная страсть Некрасовыхъ — къ карточной игрѣ составляла муку для поэта, но отказаться отъ нея онъ не могъ. Благосостояніе, однако, явилось къ Некрасову не скоро.

Въ 1843 году, когда онъ выпустилъ „Современную оду“ и другія сатирическія стихотворенія, матеріальное положеніе его было еще очень незавидно.

Первая вещь, которая привела въ восторгъ Бѣлинскаго — было стихотвореніе „Въ дорогѣ“. Это было уже послѣ состоявшагося знакомства. А состоялось знакомство, по свидѣтельству Головачевой-Панаевой, слѣдующимъ образомъ: однажды Бѣлинскій сидѣлъ у Языкова, бывшаго

школьнаго товарища Панаева, имѣвшаго сношенія с всѣми литературными кругами Петербурга. Некрасовъ ко гда-то принесъ Языкову свой разсказъ „Петербургскіе углы“ для прочтенія и для передачи Бѣлинскому, и Языковъ, по разсѣянности, разсказа Бѣлинскому не пе редалъ, да еще и адресъ Некрасова затерялъ, чѣмъ очень мучился.

Некрасовъ какъ разъ въ то время, когда Бѣлинскій былъ у Языкова, зашелъ къ нему узнать объ участи своего разсказа, и знакомство состоялось. Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій былъ неизмѣннымъ заступникомъ за Некра сова.

По свидѣтельству самого Некрасова (библіографическій очеркъ Скабичевскаго — „Замѣтки Некрасова“) Бѣ линскій сохранилъ съ нимъ короткія и хорошія отноше нія до самой смерти. „Я не былъ идеалистъ (иначе прежде всего не взялся бы за журналъ, требующій прак тическихъ качествъ), еще менѣе былъ я ровенъ ему по развитію; ему могло быть скучно со мною, но помню, что онъ всегда былъ радъ моему приходу. Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ богатоодаренную натуру, которой не достаетъ развитія и образованія. И вотъ, около этого держались его бесѣды со мною, имѣвшія для меня значеніе поученія“.

Очень характерна эта выписка, сдѣланная изъ записокъ поэта, относящихся къ той порѣ, когда онъ былъ уже знаменитостью: такое скромное мнѣніе имѣлъ онъ о себѣ и такъ дорожилъ добрымъ къ себѣ отношеніемъ.

Та же скромность сказывается впослѣдствіи въ отношеніяхъ съ Тургеневымъ, къ которому Некрасовъ обра-

щался съ просьбой высказаться относительно своихъ произведеній, будучи самъ редакторомъ „Современника“ и принимая туда произведенія Тургенева.

Вначалѣ знакомства съ Некрасовымъ Бѣлинскій такъ высказывался о немъ среди друзей: „Я дамъ голову на отсѣченіе, что у Некрасова есть талантъ и, главное, знаніе русскаго народа, непониманіемъ котораго мы всѣ отличаемся... Я бесѣдовалъ съ Некрасовымъ и убѣжденъ, что онъ будетъ имѣть значеніе въ литературѣ“. (Воспоминанія Головачевой-Панаевой).

На Некрасова нападали между прочимъ за „грубый реализмъ въ литературѣ“, на что Бѣлинскій отвѣчалъ остроумнымъ сравненіемъ. Онъ говорилъ: „Здоровъ будетъ организмъ ребенка, если его питать однѣми сладостями? — Наше общество еще находится въ дѣтствѣ, и если литература будетъ скрывать отъ него всю грубость, невѣжество и мракъ, который его окружаетъ, то нечего и ждать прогресса“.

Нападки, конечно, не имѣли основанія и, какъ, къ сожалѣнію, всегда бываетъ, были особенно несправедливы, пока Некрасовъ былъ еще мало извѣстенъ. Та же Головачева-Панаева разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, между прочимъ, слѣдующій курьезъ: однажды Боткинъ очень расхваливалъ разборъ какой-то книги въ отдѣлѣ библіографіи „Отечественныхъ Записокъ“.

— Тонко, умно Бѣлинскій разобралъ книгу, живо, остроумно, прекрасно,—говорилъ онъ и при свиданіи съ Бѣлинскимъ разсыпался въ похвалахъ ему.

— Находите — тонко, остроумно я написалъ, — спросилъ Бѣлинскій.

— Прелестно, изящно,—отвѣчалъ Боткинъ.

Бѣлинскій разсмѣялся и сказалъ: „Передамъ вашу похвалу Некрасову, это онъ разобралъ книгу“.

Въ 1846 году Некрасовъ издалъ „Петербургскій сборникъ“, въ который вошли такія произведенія, какъ „Бѣдные люди“ Достоевскаго, „Капризы и раздумье“ Искандера (Герцена), „Три портрета“ Тургенева, его же разсказъ въ стихахъ — „Помѣщикъ“, стихотворенія Майкова, „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“ Бѣлинскаго и стихотворенія самого Некрасова—„Въ дорогѣ“, „Пьяница“, „Отрадно видѣть“, „Колыбельная пѣсня“. Этотъ сборникъ былъ очень хорошо принятъ публикой и критикой. Въ слѣдующемъ 1847 году Некрасовъ вмѣстѣ съ Панаевымъ арендовалъ у Плетнева „Современникъ“ и съ этого времени матеріальное положеніе его все улучшалось.

Общіе отзывы о Некрасовѣ, какъ о редакторѣ, были самые лучшіе. П. М. Ковалевскій (поэтъ 60-хъ годовъ) говоритъ: „Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ, я не зналъ, едва ли даже былъ у насъ такой. Были люди свѣдущѣе, образованнѣе, Дружининъ, напримѣръ, — но умнѣе, проницательнѣе и умѣлѣе въ сношеніяхъ съ писателями и читателями никого не было. Знаніе читателя выражалось у него не безъ своеобразнаго юмора. Читатель вѣдь чего хочетъ: онъ хочетъ, чтобы повѣсть была поскучнѣе — серьезная, дескать, повѣсть, не какая-нибудь; а ученая статья, чтобы была повеселѣе—онъ прочитать ее можетъ“.

Это же признаніе Некрасова выдающимся редакторомъ пришлось намъ слышать лично отъ П. Д. Бобо-

кина на одномъ изъ собраній московскаго литературнаго кружка „Среда“, который указывалъ на необыкновенную деликатность Некрасова. Онъ не только никогда не отказывалъ въ авансахъ, но часто самъ предлагалъ ихъ, видя нужду начинающаго писателя и помня, конечно, собственныя переживанія. Никогда не отказывалъ онъ также въ совѣтѣ молодымъ писателямъ.

Н. К. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Нельзя было не любоваться умомъ Некрасова. Онъ отлично зналъ пробѣлы своего образованія и никогда не старался ихъ скрыть. Но даже по поводу статей о совершенно незнакомыхъ ему предметахъ у него находилось умное слово, заимствованное изъ его огромной житейской и журнальной опытности“.

Тотъ же Михайловскій говоритъ, что Некрасовъ очень быстро соображалъ способности новыхъ сотрудниковъ и оказывалъ имъ полное довѣріе, предоставляя ихъ самимъ себѣ, чуть замѣчалъ, что они, что называется, уже оперились. Поэтому въ редакціи никогда не было суеты и казалось, что дѣла дѣлаются сами собою.

Многіе упрекали Некрасова за чрезмѣрную практичность и находили ее несовмѣстимой съ идеализмомъ и тѣми идеями, которыя проводилъ Некрасовъ въ своихъ произведеніяхъ. Это опровергаетъ А. С. Суворинъ *).

Онъ говоритъ, что Некрасовъ, отличаясь отъ всѣхъ своимъ знаніемъ жизни, былъ полонъ идеализма и высокихъ стремленій. „Иначе это и не могло быть: если

*) „Нов. Вр.“, 20-го марта 1877 г., фельетонъ Незнакомца, псевдонимъ А. С. Суворина.

бы это была практическая, умная натура, думавшая только о томъ, чтобы найтись среди людей, занять между ними хорошее положеніе, составить себѣ состояніе,— откуда она, эта зачерствѣвшая натура, нашла бы столько чувства, столько силы негодованія, откуда бы она почерпнула тѣ по истинѣ мощныя и до слезъ трогающія строфы, которыя мы находимъ въ „Родинѣ“, въ „Тишинѣ“ и мн. др. пьесахъ“? И дальше Суворинъ, приписывая Некрасову огромную роль въ судьбахъ русской журналистики, говоритъ, что эти судьбы были бы иными, если бы Некрасовъ не былъ „практическимъ человѣкомъ“, который понималъ задачи журналистики, широко смотрѣлъ на нихъ и строилъ успѣхъ журнала не на эксплуатаціи сотрудниковъ, а на идеяхъ и талантахъ. Эти же мысли высказывалъ о Некрасовѣ и Боборыкинъ. Г. З. Елисѣевъ по поводу дѣятельности Некрасова высказывается въ томъ духѣ, что теперь трудно даже опредѣлить, чѣмъ больше принесъ онъ пользы — своими ли поэтическими произведеніями, или своей журнальной дѣятельностью“. Въ то время, когда стихи его разсѣивали всюду святое недовольство и возбуждали въ молодыхъ умахъ горячіе порывы къ обновленію, журналъ указывалъ источники зла и тѣ пути, которыми нужно было идти для его истребленія, выяснялъ, гдѣ и въ чемъ слѣдовало искать новаго дѣла; около журнала группировались вѣрные борцы за новыя идеи, дѣлавшіе всегда смѣлые шаги впередъ. Недаромъ „Современникъ“ сдѣлался любимѣйшимъ журналомъ публики и въ особенности молодежи; не даромъ ни на одинъ журналъ не сыпалось столько обвиненій и тайныхъ доносовъ, столько

гоненій и притѣсненій со стороны цензуры, какъ на „Современникъ“.

О поэзіи Некрасова высказывались, какъ о публицистикѣ въ стихотворной формѣ и какъ о способѣ вылить накопившуюся злобу на несправедливости судьбы и „сильныхъ міра сего“, какъ лично къ нему самому, такъ и ко всему трудящемуся народу. Несомнѣнно, нѣкоторыя вещи Некрасова вызваны мстительнымъ чувствомъ, но отъ человѣка, столько пережившаго и столько тяжелаго наблюдавшаго, трудно было бы и ждать особой мягкости и благодарности къ судьбѣ.

Чешихинъ-Вѣтринскій называетъ Некрасова поэтомъ—Божьей милостью и горячо доказываетъ его право на это признаніе. „Въ Некрасовѣ исполинскій ростъ соціальнаго вопроса бросилъ свои тѣни на все, не исключая и тяготѣнія человѣческой души къ художественному отраженію жизни. Въ то время, когда еще спорили противъ Бѣлинскаго и Гоголя о законности вовлеченія въ искусство такъ называемой грязной дѣйствительности, то-есть проявленій соціальныхъ контрастовъ новой жизни, эта дѣйствительность властно овладѣла душой настоящаго поэта Божьей милостью, какимъ былъ Некрасовъ, и черезъ него заняла въ русской поэзіи видное мѣсто“.

„Некрасовъ былъ столько же публицистъ, сколько и поэтъ, и былъ журналистомъ, проводникомъ черезъ свои журналы демократическихъ идей въ общественное сознаніе“,—говоритъ тотъ же Вѣтринскій.

Съ дѣломъ литературы соединялось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность. „Со-

временникъ“ временъ Некрасова былъ поистинѣ властителемъ думъ интеллигентнаго общества. Въ числѣ его сотрудниковъ были Кавелинъ, Афанасьевъ, Соловьевъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, гр. Толстой (тогда еще подписывавшійся иниціалами Л. Н. Т.), Чернышевскій, Добролюбовъ. Первоначально „Современникъ“ былъ основанъ съ тѣмъ, чтобы дать болѣе независимое положеніе Бѣлинскому, и, основанный на занятыя деньги, съ трудомъ сводилъ концы съ концами. Впослѣдствіи, послѣ смерти Бѣлинскаго, когда Панаевъ и Некрасовъ взяли у Плетнева журналъ, дѣла пошли лучше. Случалось, что матеріала для журнала недоставало. И вотъ этимъ-то объясняется то, что Некрасову приходилось, совмѣстно съ другими, писать романы вродѣ „Три страны свѣта“ и „Мертвое озеро“.

„У меня въ кабинетѣ было нѣсколько конторокъ, — разсказывалъ, по воспоминаніямъ Суворина, самъ Некрасовъ.—Бывало зайдетъ Григоровичъ, Дружининъ и др., я сейчасъ къ нимъ—становитесь, пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. И они писали. Писала и Панаева (Станицкій, ея псевдонимъ въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ)“.

За эти работы многіе жестоко упрекали впослѣдствіи Некрасова, какъ за недостойныя его. Но намъ непонятно, что собственно позорнаго видѣли въ этихъ, въ свое время хорошо принятыхъ публикой, романахъ? Въ „Трехъ странахъ свѣта“ нѣтъ ничего, что казалось бы дурнымъ съ нравственной, или общественной стороны. И хотя самъ Некрасовъ считалъ впослѣдствіи эти произведенія „грѣхами молодости“, мы не думаемъ, чтобы было у него

основаніе особенно въ нихъ раскаиваться, тѣмъ болѣе, что связаны эти работы съ тѣмъ періодомъ его жизни, который во всякомъ случаѣ слѣдуетъ назвать свѣтлымъ въ душевномъ смыслѣ. Войдя въ „Современникъ“ хозяиномъ вмѣстѣ съ Панаевымъ, Некрасовъ, повидимому, скоро полюбилъ жену Панаева, и этому чувству обязано потомство многими задушевными его произведеніями.

Пятидесятые и шестидесятые годы были расцвѣтомъ благосостоянія и развитія таланта Некрасова.

Въ 1856 году вышло первое, если не считать сборника „Мечты и звуки“, изданіе стихотвореній Некрасова (Москва) — „Замолкни муза мести и печали“, „Забытая деревня“, „Поэтъ и гражданинъ“, „Несчастные“. Въ 1860 году второе, съ трудомъ разрѣшенное, изданіе.

Шестидесятый годъ замѣчателенъ въ жизни Некрасова тѣмъ, что въ этомъ году онъ окончательно разошелся съ Тургеневымъ, съ которымъ былъ связанъ долголѣтней и, казалось, прочной дружбой.

Расхожденіе это, конечно, совершилось не вдругъ, дружба держалась долго и Некрасовъ часто обращался къ Тургеневу за совѣтами по своимъ литературнымъ работамъ. Напримѣръ, въ 1855 году, отдыхая въ Ярославлѣ, онъ пишетъ Тургеневу: „Здравствуй, милый Тургеневъ, ты — о которомъ я думаю часто, всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ“... Вспоминаетъ въ этомъ письмѣ Некрасовъ общія охоты, разсказываетъ о своихъ работахъ, спрашиваетъ совѣта относительно задуманной имъ автобіографіи. „Скажи, не слишкомъ ли это, такъ сказать, самолюбиво“? Мысль заняться записками о собственной жизни, надо думать, явилась у Не-

красова слѣдствіемъ плохого состоянія его здоровья. Въ эти годы у него появились признаки чахотки, онъ жаловался на сухой, звѣнящій кашель и писалъ Тургеневу, что самое худшее—это медленное умираніе.

Отъ чахотки Некрасовъ поправился благодаря заграничному леченію. Въ запискахъ П. М. Ковалевскаго находимъ указанія на то, что Некрасовъ жилъ въ Римѣ съ бывшей женой Панаева, имѣлъ очень хорошій видъ и весело говорилъ, что хотя доктора и открыли у него горловую чахотку и прислали его на Монте-Пиччіо умирать, но онъ „надулъ“ ихъ и пока умирать не собирается.

„По возвращеніи изъ-за границы — пишетъ Ковалевскій,—Некрасовъ не нашелъ еще въ Россіи начала первыхъ вольностей литературныхъ; онѣ пришли годомъ, двумя позже. Но когда онѣ пришли, пришло и окончательное его возвышеніе, какъ поэта и редактора. Только звонъ „Колокола“ изъ Лондона („Колоколъ“ издавалъ Герценъ-Искандеръ) въ силахъ былъ покрывать собою „Свистокъ“ „Современника“, а руководящими статьями, критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовалось чуть не все отъ мала до велика читающее общество“.

„Современникъ“ Некрасовъ редактировалъ до самого его закрытія въ 1861 году. Затѣмъ совмѣстно съ Салтыковымъ-Щедринымъ онъ издавалъ „Отечественныя Записки“.

Съ половины пятидесятыхъ годовъ въ литературѣ стали сказываться новыя критическія стремленія, и въ составѣ „Современника“ появились новыя силы. Отношеніе стараго кружка сотрудниковъ къ новымъ и къ по-

вому направленію сразу стало враждебнымъ. Фетъ, напримѣръ, очень рѣзко высказывался противъ „разночинца“ въ литературѣ, считая ее какъ бы привиллегіей дворянства. Фетъ не видѣлъ, какъ расширялся кругъ дѣятельности литературы, благодаря притоку этихъ силъ. Наступало новое царствованіе, кончалась крымская война, чувствовался канунъ „великихъ реформъ“, а Фетъ горевалъ о томъ, что „безсмертная эпоха русской поэзіи прошла и, Богъ вѣсть, вернется ли когда-нибудь“. Впрочемъ, онъ сознавался, что понимаетъ всю необходимость „проклятой политики“ въ литературѣ, онъ только себя считалъ чужимъ въ этой области.

И вотъ первымъ, кто выразилъ неудовольствіе на новый „духъ“ „Современника“, оказался Тургеневъ. Онъ еще лично очень былъ друженъ съ Некрасовымъ, но направленіемъ журнала былъ уже недоволенъ. Еще въ 1856 году Тургеневъ писалъ: „Стихотворенія Некрасова, собранныя въ одинъ фокусъ, жгутся“. А впослѣдствіи, разойдясь съ нимъ, отрицалъ за его произведеніями всякія заслуги и находилъ въ нихъ „одну фальшивую искусственность“.

Въ послѣднія минуты жизни Некрасова между нимъ и Тургеневымъ произошло примиреніе и, несмотря на то, что ссора длилась долгіе годы, въ душѣ Тургенева не умерло доброе воспоминаніе о годахъ дружбы. Все недоразумѣніе произошло отъ того, что Фетъ, Боткинъ, Тургеневъ и др., считавшіе себя послѣдователями Бѣлинскаго, находили, что Некрасовъ изъ-за выгоды измѣнилъ направленіе журнала. Для самого же Некрасова совершенно ясна была историческая связь двухъ поколѣній.

Въ порчѣ отношеній между Некрасовымъ и Тургеневымъ надо винить этого послѣдняго. Изъ переписки ихъ видно, что Некрасова очень огорчала перемѣна отношеній къ нему Тургенева. Въ январѣ 1861 года онъ пишетъ Тургеневу: „Не могу думать, чтобы ты сердился на меня за то, что въ „Современникѣ“ появились вещи, которыя могли тебѣ не понравиться... Прошу тебя думать, что въ сію минуту хлопочу не о „Современникѣ“, и не изъ желанія достать для него твою повѣсть — это какъ ты хочешь—я хочу свѣта относительно самого себя“. Въ послѣднемъ письмѣ Некрасовъ говоритъ Тургеневу, что „остается по-прежнему любящимъ его и благодарнымъ ему за многое“.

Любовь искренняя и горячая, какое-то дѣтское довѣріе къ мнѣнію Тургенева, желаніе подѣлиться съ нимъ многимъ сокровеннымъ, дѣйствительно, видна во всѣхъ письмахъ Некрасова. И, хотя знавшіе его современники, говорятъ, что онъ былъ очень скрытенъ, нѣкоторые называютъ его „загадочной натурой“, но въ отношеніяхъ съ Тургеневымъ Некрасовъ былъ и экспансивенъ, и мягокъ, и тонокъ въ пониманіи малѣйшихъ душевныхъ движеній.

Въ одномъ изъ писемъ, адресованныхъ изъ Рима въ Парижъ, Некрасовъ пишетъ Тургеневу: „Знаю я, что значитъ взволнованное бездѣйствіе—все понимаю. Жаль мнѣ тебя, Тургеневъ, но ничего посовѣтовать не могу. Оба мы равно жалки въ этомъ отношеніи“... Какое мѣткое выраженіе для одареннаго и страстно любящаго свое дѣло писателя—это „взволнованное бездѣйствіе“, когда голова полна образовъ, когда, кажется, только бы сѣсть

и воплотить ихъ, а чего-то не хватаетъ, волненіе сжига-
етъ самого себя, не выливаясь въ желаемую форму...

А какое любовное отношеніе у Некрасова къ произве-
деніямъ Тургенева! По поводу повѣсти „Три встрѣчи“,
Некрасовъ пишетъ: „Ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе
писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ. И ты одинъ
владѣешь формой, другіе даютъ читателю сырой матері-
алъ, гдѣ надо умѣть брать поэзію. Уйди въ себя, въ
свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные, прекрас-
ные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску
безъ тоски—и напиши что-нибудь этимъ тономъ“.

Поразительная чуткость и тонкость опредѣленій.

Въ началѣ 1861 года Некрасовъ пишетъ:

Что ни годъ—уменьшаются силы,
Умъ лѣнивѣе, кровь холоднѣй...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!..

А послѣ 19-го февраля въ стихотвореніи „Свобода“
поэтъ восклицаетъ:

Родина - мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой—
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ,

Хочешь — останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

И кончаетъ стихотвореніе мыслью, что, хотя „на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ, люди придумали много иныхъ“, но при свободѣ народу легче будетъ всякія цѣпи распутать и сбросить. „Муза, съ надеждой привѣтствуй свободу“...

Въ 1862 году „Современникъ“ былъ пріостановленъ на восемь мѣсяцевъ и Чернышевскій былъ арестованъ. Въ 1865 году „Современнику“ за напечатанную некрасовскую „Желѣзную дорогу“ было сдѣлано второе предостереженіе, а въ 1866 году журналъ былъ закрытъ.

Для спасенія журнала Некрасовъ, между прочимъ, сдѣлалъ одинъ фальшивый и дорого ему стоившій шагъ (рѣчь идетъ объ извѣстномъ, столько разъ ставившемся ему въ вину, стихотвореніи М. Н. Муравьеву-Виленскому, прочитанномъ на обѣдѣ въ его честь). Люди, обвинявшіе Некрасова за этотъ шагъ, говорили, что „Современника“ онъ не спасъ, а свое самолюбіе и достоинства напрасно принесъ въ жертву жестокому временщику. Но люди эти забываютъ, что Некрасовъ не только журналъ спасалъ, онъ сохранялъ возможность существованія идеи свободы, онъ старался оградить литературу вообще отъ гоненій *).

*) Графъ Муравьевъ-Виленскій былъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края и своими крутыми мѣрами въ отношеніи поляковъ при подавленіи возстанія 1863-го года возбудилъ противъ себя все современное передовое общество. „Извѣстно, что одно время Муравьевъ былъ чѣмъ то въ родѣ руки Всевышняго, которой суждено спасти отечество“, говоритъ П. М. Ковалевскій. Будучи въ 1857—1862 г.г. министромъ государственныхъ имуществъ, Муравьевъ всячески препятствовалъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Вліяніе его въ высшихъ сферахъ было огромно, и не мудрено, что Некрасовъ сдѣлалъ попытку отклонить ударъ.

Это почти общее обвиненіе и непониманіе сильно мучили Некрасова, даже передъ смертью, когда физическія его страданія были невыносимы.

Г. З. Елисѣевъ горячо защищаетъ Некрасова отъ нападокъ и доказываетъ, что поступокъ его не имѣлъ ничего позорнаго. „Какихъ бы почестей и какого богатства не достигъ Некрасовъ при его громадномъ умѣ и талантѣ, если бы захотѣлъ хотя бы нѣсколько умѣрить свое направленіе? Но онъ не пошелъ этой дорогой, потому что не могъ пѣть фальшиво. Талантъ Некрасова былъ вполнѣ самобытный, соединенный съ замѣчательной крѣпостью и силою ума". Критическое чутье, особенно въ области политики, по словамъ того же Елисѣева, было очень развито у Некрасова еще въ самомъ началѣ новыхъ вѣяній. Некрасовъ сейчасъ же понялъ положеніе вещей, набралъ новыхъ сотрудниковъ и всталъ во главѣ новаго литературнаго движенія.

Некрасовъ каялся, что его рука иногда „у лиры звукъ невѣрный исторгала" и что къ цѣли шелъ онъ „колеблющимся шагомъ", но надо учитывать время, когда приходилось дѣйствовать Некрасову. „Герой тотъ, кто понялъ условія битвы и выигралъ побѣду",—говоритъ Елисѣевъ.

По поводу нападковъ на Некрасова нельзя не упомянуть о полученіи имъ въ 1866 году отъ неизвѣстнаго автора очень хорошаго стихотворенія. Цитируемъ его здѣсь полностью:

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ

(Н. А. Некрасову)

Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словомъ лишь толпу къ добру влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою.
Но ихъ рѣчамъ меня не убѣдить:
Иное мнѣ твой взглядъ сказалъ невольно
Повѣрить имъ мнѣ было-бъ горько, больно...
Не можетъ быть!

Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!
Но отчего-жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!

Но если правъ ужасный приговоръ?
Скажи же мнѣ, нашъ геній, гордость наша,
Ужель сулитъ потомства строгій взоръ
За дѣло здѣсь тебѣ проклятья чашу?..
Ужель толпѣ дано тебя язвить,
Когда весь свѣтъ твоей дивится славѣ,
И мы сказать въ лицо молвѣ не вправѣ:
Не можетъ быть?

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положилъ надъ жизнію своею?

И съ вѣрою разстануся моею.
Твои слова и я приму тогда
Но нѣтъ! И имъ ее не истребить,
Въ твои глаза смотря съ нѣмымъ волненьемъ,
Я повторю съ глубокимъ убѣжденьемъ:
Не можетъ быть!

На это стихотвореніе, полное страстной вѣры въ любимаго поэта и глубокой скорби по поводу происшедшаго недоразумѣнія, Некрасовъ отвѣтилъ извѣстнымъ стихотвореніемъ покаянія передъ родиной, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: „за каплю крови, общую съ народомъ, мои вины, о, родина, прости“...

Трудно не заплакать надъ этимъ стихотвореніемъ *). Весь Некрасовъ въ немъ, съ его городостью и мягкостью, съ его силой и слабостью...

На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина, печальный твой поэтъ.

. . . . . .

...Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука...

. . . . . .

...Я признанъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ...

. . . . . .

*) „Неизвѣстному другу, приславшему стихотвореніе *Не можетъ быть*“.

...И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она...

Въ этомъ Некрасовъ ошибся—его пѣснь уже дошла до народа и будетъ доходить все больше и больше.

Некрасовъ несомнѣнно поэтъ народный, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ искрененъ, простъ, понятенъ каждому. Его „неуклюжій", какъ онъ говоритъ, стихъ можетъ шокировать развѣ людей, требующихъ отъ поэзіи услады въ часы досуга, но дѣти и народъ просто воспринимаютъ музу Некрасова и цѣнятъ ее.

О своемъ значеніи въ литературѣ, Некрасовъ говорилъ очень мало и всегда очень скромно. „Въ сороковыхъ годахъ, говорилъ онъ, писатели думали, что необходимо составлять себѣ репутацію прежде всего въ большомъ свѣтѣ, а потому нѣкоторые изъ насъ изъ фрака не выходили. Я этого не дѣлалъ. Я бывалъ у гр. Разумовской и другихъ, но въ карты тамъ игралъ: я былъ равный съ равными, а не заискивалъ у этихъ господъ и госпожъ. Я всегда думалъ, что надо репутацію у публики завоевывать, а большой свѣтъ—какая же это публика".

Въ 1868 году Некрасовъ вмѣстѣ съ Г. З. Елисѣевымъ и Салтыковымъ взялъ въ свои руки „Отечественныя Записки".

„Благодаря безусловному довѣрію Некрасова къ своимъ главнымъ сотрудникамъ и соредакторамъ", говоритъ Н. К. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ, редакціонныя дѣла „Отечественныхъ Записокъ" шли точно сами собою, точно никто ничего не дѣлалъ, тогда какъ въ дѣйствительности всѣ много работали".

Въ 1869 году редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ и въ частности Некрасову лично пришлось пережить очень непріятныя нападки отъ нѣкоторыхъ старыхъ сотрудниковъ „Современника“. Появилась брошюра Антоновича и Жуковскаго: „Матеріалы для характеристики современной литературы“, нападки въ которой на Некрасова, Елисѣева и Салтыкова носили чрезвычайно безтактный характеръ. Михайловскій, бывшій свидѣтелемъ растерянности Некрасова по этому поводу, говоритъ, что въ такомъ жалкомъ состояніи видѣлъ его только, когда Некрасовъ умиралъ. Та крупица истины, которая была въ этихъ нападкахъ (все то же злосчастное стихотвореніе, посвященное Муравьеву), была во всякомъ случаѣ не такова, чтобы благодаря ей развѣнчать Некрасова. Михайловскій находитъ, что она, напротивъ, служила къ его апологіи.

Въ 1869—1873 годы вышло два изданія стихотвореній Некрасова — пятое и шестое, въ которыхъ были и „Русскія женщины“. Надъ этой вещью съ любовью работалъ Некрасовъ втеченіе 1871—1872 годовъ.

Князь М. С. Волконскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ разсказываетъ, какъ страстно относился Некрасовъ къ этой работѣ. Онъ упросилъ Волконскаго прочесть ему записки матери и во-время чтенія, продолжавшагося три вечера сряду, Некрасовъ не разъ вскакивалъ, прерывалъ чтеніе и „плакалъ, какъ ребенокъ“.

Въ 1874 году вышло полное собраніе стихотвореній Некрасова въ 6-ти томахъ. За это же время 1874—1876 годовъ Некрасовъ работалъ надъ послѣдней своей поэмой „Кому на Руси жить хорошо“. Писалась эта поэма съ

1869 года и незадолго до смерти Некрасовъ еще работалъ надъ дальнѣйшимъ развитіемъ поэмы, на что имѣются указанія въ его бумагахъ. Въ этихъ же бумагахъ, найденныхъ послѣ смерти Некрасова, есть планъ одной части поэмы, подъ названіемъ „Смертушка“, въ которой Некрасовъ собирался описать производство дознанія объ эпидеміи сибирской язвы на Шекснѣ. Въ этой части поэмы мужики признаютъ счастливымъ на Руси чиновника.

Во время болѣзни Некрасова не оставляла мысль о томъ, что свою поэму „Кому на Руси жить хорошо“ онъ не успѣетъ окончить.

„Послѣднія пѣсни“ Некрасова опять возвращаютъ его къ памяти матери и воспоминаніямъ дѣтства (пѣсни эти: „Мать“, „Затворница“, „Приговоръ“ , „Баюшки - баю“). Но онъ уже не проситъ у матери помощи, онъ просто вспоминаетъ ее, вспоминаетъ далекое дѣтство.

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать—
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.
Но я привыкъ обычай презирать...

говоритъ онъ и проситъ у памяти матери прощенья за то, что потревожитъ ея сонъ...

Но я всю жизнь за женщину страдаю:
Къ свободѣ ей заказаны пути...

. . . . . .

Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...

. . . . . .

Твою любовь, твои святыя муки,
Твою борьбу, подвижница, пою.

Вотъ для чего потревожилъ поэтъ передъ собственной смертью память матери. И въ стихотвореніи „Баюшки-баю“, какъ дитя, мечтаетъ онъ объ успокоеніи и о томъ, что мать скажетъ ему:

Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...
. . . . . .
Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!..

Умирающему хочется вѣрить, что прожилъ онъ не даромъ, что страданія его сослужили службу, что тотъ народъ, за который онъ такъ страдалъ, узнаетъ и не забудетъ его. Ему кажется, что мать поетъ ему:

Не бойся горькаго забвенья,
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю-баю-баю!..

Съ этими мечтами какъ будто легче переносятся физическія страданія. А страданія эти были ужасны и всѣ, кто видѣлъ Некрасова послѣдніе три года его

жизни, удивлялись его терпѣнію. Въ апрѣлѣ 1877 года знаменитый Бильротъ сдѣлалъ ему операцію, отсрочившую смерть на восемь мѣсяцевъ.

Некрасовъ не угадалъ—онъ думалъ умереть весною; умеръ онъ 27-го декабря въ лютый морозъ.

Болѣзнь, сведшая Некрасова пятидесяти шести лѣтъ въ могилу, была—ракъ въ кишкахъ. Ухаживали за больнымъ его сестра и та дѣвушка, по имени Зина, съ которой онъ обвѣнчался передъ самой смертью.

Объ этой свадьбѣ разсказываютъ слѣдующее: Некрасовъ былъ уже настолько слабъ, что нельзя было и думать о вѣнчаніи въ церкви. Упросили какого-то священника вѣнчать на дому, но кто-то, кажется, Успенскій, проговорился объ этомъ, священникъ убоялся и наотрѣзъ отказался вѣнчать на дому. Тогда друзья обратились къ митрополиту и изъ его дипломатическаго отвѣта поняли, что надо просить военное духовенство, которое имѣетъ походныя церкви. Такъ и было сдѣлано. И вотъ въ квартирѣ Некрасова устроена походная церковь, и совершенъ обрядъ вѣнчанія. Больной, прямо съ постели, былъ обведенъ три раза вокругъ аналоя, едва сдерживаясь, чтобы не кричать отъ боли.

Незабываемая картина!..

Безнадежно боленъ Некрасовъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ, но особенно сильно страдалъ послѣдніе полтора года. Боли были во всемъ тѣлѣ и долго оставаться въ одномъ положеніи было невозможно, онъ то ходилъ, то прижимался въ уголъ, то упрется головой въ стѣну, то снова ляжетъ. Только все усиливаемыми дозами морфія и добивались хоть временнаго облегченія.

30-го декабря 1877 года Некрасова похоронили на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

III

Очевидцы похоронъ говорятъ, что Петербургъ не видѣлъ ничего подобнаго. За гробомъ, который несли на рукахъ, шла толпа тысячи въ три, а на кладбищѣ было не менѣе пяти тысячъ человѣкъ народу. Весь литературный міръ Петербурга присутствовалъ на похоронахъ. Въ публикѣ, рядомъ со студентами и женщинами въ платочкахъ, шли нарядныя дамы и оффиціальныя лица въ мундирахъ. „Шубы, пальто, военныя шинели, плэды и даже чуйки", говоритъ Гайдебуровъ въ „Недѣлѣ", описывая похороны и „комнаты Некрасова". Комнаты эти много видали на своемъ вѣку и всякаго народа, и всяческаго препровожденія времени—отъ усиленныхъ редакціонныхъ работъ, до лукулловскихъ обѣдовъ и карточной игры, продолжавшейся иногда больше сутокъ.

Много находилось людей, осуждавшихъ Некрасова и за эти обѣды, и за игру, многіе требовали отъ него той святости, какой не было и тѣни въ нихъ самихъ, многіе и послѣ смерти великаго страдальца и, во всякомъ случаѣ, незауряднаго человѣка и поэта, находили нужнымъ „развѣнчивать" его и рыться грязными руками въ его душѣ. Пусть судитъ ихъ Богъ. Некрасовъ заслужилъ признаніе, которое дороже всѣхъ этихъ мелкихъ уколовъ, зависти и злобы. Онъ сказалъ въ своихъ послѣднихъ пѣсняхъ:

Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жизнь начиналъ.

И ошибся, потому что народу онъ не былъ чуждъ.

...Нѣтъ, родина стоитъ незримо
У гроба твоего и шлетъ тебѣ привѣтъ...—

сказано въ одномъ стихотвореніи у открытой могилы Некрасова.

И могъ ли остаться чуждымъ народу человѣкъ, который всю любовь свою вложилъ именно въ этотъ народъ!

Достоевскій („Дневникъ писателя“ № 12, 1877 г.) говоритъ: „Трудно поддѣлать такую искренность любви, какая слышится въ стихахъ Некрасова... и мнѣ ясно, почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его такъ тянуло къ нему, въ тяжелыя минуты жизни... Потому, что любовь къ народу была у Некрасова *какъ бы исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*. Въ служеніи сердцемъ своимъ народу онъ находилъ свое очищеніе предъ самимъ собою“.

Мережковскій сравниваетъ стихи Некрасова съ камнемъ.

Камни тверды,
Любой попробуй, но огня
Достанешь только изъ кремня.

„Вся его поэзія—огонь изъ кремня“.

И дальше, сравнивая Пушкина и Некрасова, Мережковскій говоритъ, что нельзя сказать, кого мы больше любимъ. „Муза Пушкина—наша невѣста, муза Некрасова—наша мать или сестра. Бываютъ минуты, когда мы любимъ мать или сестру больше невѣсты. Кажется, сейчасъ именно такая минута“. Это писалъ Мережковскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а „сейчасъ“... что же можно сказать сейчасъ о Некрасовѣ, какъ не то, что его

время пришло, и пѣсня его долго будетъ звучать въ народѣ, долго будетъ пробуждать добрыя чувства и будить лучшіе порывы.

Та критика, которая пыталась развѣнчать Некрасова, унизила только себя. Венгеровъ *) говоритъ: „Съ какой бы стороны ни подойти къ Некрасову, онъ никогда не оставляетъ равнодушнымъ“. Тотъ же Венгеровъ замѣчаетъ, что „ни у кого изъ нашихъ писателей покаянное чувство не играло такой роли, какъ у Некрасова“.

И человѣка, который скорѣе преувеличивалъ свои „вины“ и „грѣхи“, позволяютъ себѣ тоже небезгрѣшные люди судить такъ строго!..

„Значеніе Некрасова есть результатъ цѣлаго ряда условій, создавшихъ, какъ его обаяніе, такъ и тѣ ожесточенныя нападки, которымъ онъ подвергался и при жизни и послѣ смерти“ (Венгеровъ).

Біографическія свѣдѣнія о жизни Некрасова и краткій обзоръ его дѣятельности, думается намъ, умѣстно будетъ закончить нѣкоторыми стихами изъ выпущенной главы въ стихотвореніи „Тишина“:

...Но Русь цѣла, но Русь тверда,
Надъ нею солнце мира блещетъ...
О, Русь... ты такова всегда:
Какъ сильно буря ни тревожитъ
Вершины вѣковыхъ древесъ,
Она ни долу не положитъ,
Ни даже раскачать не можетъ

*) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона.

ПЕРЕДВИЖНОЙ КНИЖНЫЙ ФОНД ВЯТСКОГО УЧКПРОФСОЖ

До корня заповѣдный лѣсъ...

. . . . . .

Уходитъ мракъ, кругомъ свѣтлѣй,
И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни Великаго Петра.

. . . . . .

Погибни злое!
Пускай не устаетъ сіять
Намъ солнце правды повсемѣстно
Пусть на работающихъ честно
Нисходитъ Божья благодать!..

Такъ еще въ 1857 году понималъ свою родину Некрасовъ, такъ вѣрилъ онъ въ ея силы.

И въ настоящее время тяжелыхъ переживаній Некрасовъ, конечно, не утратилъ бы вѣры въ тотъ народъ, который выводитъ изъ своей среды „столько славныхъ то и знай“, народъ, который можетъ падать, но можетъ и подняться во весь свой гигантскій ростъ.

Въ одномъ изъ некрологовъ Некрасова говорится: „Народная тропа не зарастетъ къ тебѣ, горячо любимый поэтъ“! И, пока будетъ биться хоть одно сердце, желающее блага родинѣ—твое имя, твои выстраданныя пѣсни не умрутъ“.

Но не замретъ твой вѣщій голосъ
И на Руси онъ прозвучитъ въ вѣкахъ *).

---

*) Памяти Некрасова — Л. Пальминъ.

(9) лит 134795

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗВѢЗДА“ Н. Н. ОРФЕНОВА
МОСКВА, СПИРИДОНЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 4.

СЕРІЯ БІОГРАФИЧЕСКАЯ:

№ 1. ДЖОНЪ РЕСКИНЪ, великій англичанинъ. 2-е изд.
№ 2. ІОСИФЪ МАЦЦИНИ, апостолъ долга и мирнаго прогресса. 2-е изд.
№ 3. Ж. РОДЕНБАХЪ, бельгійскій поэтъ.
№ 4. Ж. ЭКОУТЪ, бельгійскій пѣвецъ пролетаріата и «бывшихъ людей».
№ 5. Э. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, вождь бельгійскихъ соціалистовъ.
№ 6. Ж. ДЕСТРЭ, бельгійскій соціалистъ.
№ 7. А. С. ГРИБОѢДОВЪ. 2-е изд.
№ 8. И. А. КРЫЛОВЪ. 2-е изд.
№ 9. Н. И. НОВИКОВЪ. 2-е изд.
№ 10. Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.
№ 11. Н. А. НЕКРАСОВЪ. 2-е изд.
№ 12. Л. А. СЕРЯКОВЪ, первый русскій академикъ-граверъ.
№ 13. Я. Б. КНЯЖНИНЪ, съ портретомъ.
№ 14. В. М. ГАРШИНЪ. 2-е изд.
№ 15. Н. В. ГОГОЛЬ, съ портретомъ.
№ 16. А. Н. АПУХТИНЪ.
№ 17. С. Я. НАДСОНЪ.
№ 18. Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ЦѢНА 3 руб.

Изданіе зарегистрировано и цѣна утверждена Отдѣломъ печати М. С. Р. и К. Д.

Тип. «ПРОДПУТЬ», Москва. 1919 г.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752253